

**Остаться
японцем:
Янагита
Кунио
и его
команда**
этнология
как форма
существования
японского
народа

Александр
Мещеряков

**Остаться
японцем:
Янагита
Кунио
и его
команда**
этнология
как форма
существования
японского
народа

Москва «Лингвистика» 2020

УДК 39
ББК 63.5
М56

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Рецензенты: доктор философских наук Н. Н. Трубникова;
кандидат исторических наук В. В. Щепкин

Дизайнер Сергей Андриевич

Мещеряков Александр Николаевич.

М56 Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда.
Этнология как форма существования японского народа /
Александр Мещеряков. — М. : Лингвистика, 2020. — 352 с. : ил.
ISBN 978-5-91922-082-4.

Книга япониста, переводчика, литератора Александра Николаевича Мещерякова (род. 1951) представляет подробное жизнеописание основателя этнологии Японии, философа, краеведа, фольклориста Янагиты Кунио (1875–1962). После Второй мировой войны именно этнология помогла японцам создать такую интеллектуально-эмоциональную атмосферу, в которой стало возможно говорить об особенностях всего японского: характера, быта, искусства, мышления. Янагита застал почти не тронутую западным влиянием деревенскую Японию и внес огромный вклад в развитие японской нации, поэтому его личность рассматривается через биографию его страны и народа. Автор рассказывает, как японцам удалось сохранить себя как нацию после поражения во Второй мировой войне. В приложении к исследованию публикуются «Рассказы из Тоно» — самое знаменитое произведение Янагиты (1910), а также доклад Янагиты в обществе «Тэйюринрикай» — «Мысли по поводу синто». Издание адресовано всем интересующимся японской нацией и культурой Японии.

УДК 39
ББК 63.5

ISBN 978-5-91922-082-4

© Мещеряков А. Н., 2020
© Оформление. ООО «Лингвистика», 2020

содержание

Предисловие 16

Часть 1. Путь из деревни в этнологию

Ребенок, юноша, поэт 24
Чиновник, путешественник, собиратель фольклора 52
Газетчик, дипломат, этнолог 106
Сельский ученый 128
Юбиляр 166
То ли пропагандист, то ли вольнодумец 190

Часть 2. Янагита и его команда

Этнология на обломках империи 206
Янагита и его команда 232
Американка Рут Бенедикт и японский национальный характер 254
После смерти 274
Нихондзинрон — «рассуждения о японцах» 295

Заключение 310

Приложение

«Рассказы из Тоно» («Тоно моногатари») 318
К. Янагита. Мысли по поводу синто. Перевод Н. А. Невского 326
Библиография 347
Summary 352

*Гимназист Кунио с племянником.
1893 г.*

*Братья Мацуока, слева направо: Кунио, Тэруо, Сидзуо.
1898 г.*

предисловие

Янагита Кунио (1875–1962) прожил длинную жизнь. Он застал почти не тронутую западным влиянием деревенскую Японию, он умер, когда подавляющее количество японцев сделались горожанами. Когда он родился, японской нации еще не существовало. Когда умер, она уже давно сформировалась. И Янагита внес огромный вклад в то, чтобы она стала такой, какой стала. Он жил при трех императорах – Мэйдзи, Тайсё и Хирохито (посмертное имя – Сёва). Ни один из них не имел ни малейшего отношения к принятию решений государственной важности, но каждый из них воспринимался как символ традиции и происходивших со страной перемен: модернизации, войн, побед и поражений.

Япония менялась, менялся и Янагита, менялись его идеи и взгляды. Пожалуй, единственное, что не менялось в нем, так это любознательность. Проживая длинную жизнь, он не терял интереса к ней – в самом ее конце имел мужество признаться, что познал далеко не все. Такое «детское» любопытство дается мало кому. Последняя главка его последней книги «Морской путь» называется «Несколько вещей, которые я хотел бы узнать». Здесь он говорит о том, что ему хотелось бы больше узнать и о роли моря как проводника культурных влияний, и о дельфинах, и об обитающих на дальних островах мышах... Последняя фраза: «Кроме этого мне

хочется узнать очень много, но я ограничился только несколькими пунктами»¹. Любознательность, достойная восхищения.

Янагита успел побывать по меньшей мере в трех ипостасях: многообещающего поэта, успешного чиновника, этнолога². Сегодня его вспоминают и ценят прежде всего как ученого, неизменно называя «основателем японской этнологии». Именно в этом качестве Янагите досталась такая государственно-общественная слава, которая почти никогда не достается «настоящим» гуманитарным ученым. Особенно если учесть, что он занимался такой узкой областью, как этнология. Но он понимал ее исключительно широко. Сферу его размышлений было бы правильно и определить широко – как «народоведение». От «основателя» далеко не всегда требуется глубина – зачинатель зачастую берет широтой и многотемьем. Янагита собирал фольклор и диалектизмы, изучал синто, занимался этногенезом, написал множество мелких работ по самым разным вопросам истории, быта и обыкновений японцев, педагогики, социологии, современной политической ситуации.

Научные труды Янагиты далеко не всегда соответствуют современным позитивистским критериям, его стиль витиеват и насыщен уподоблениями, он свято верит в свою правоту, доверяет интуиции и не озабочен строгой аргументацией, определения далеки от однозначности, что оставляет место для различных интерпретаций. Иными словами, его научная мысль перемещается в пространстве и времени намного быстрее, чем это привычно для «настоящего» ученого, озабоченного доказательностью своих рассуждений. Такая скорость свойственна поэтам. Однако поэтический настрой Янагиты был направлен не на анализ личных переживаний, а на «народ» в целом. Иными словами, если мыслить его жизнь в поэтологических категориях, лирике он предпочел эпос, в котором главным героем является народ, а роль личности исчезающе мала.

1. Янагита Кунио. Кайдзё-но мити. Токио, «Иванами», 2011, с. 343.

2. Чтобы лишний раз не путать читателя, мы последовательно называем Янагиту Кунио «этнологом», хотя в разных работах встречается его определение и как «фольклориста», и как «этнографа». О носящей в значительной степени схоластический характер дискуссии на эту тему см.: Bronson, Adam. Japanese Folklore Studies and History: Pre-War and Post-War Inflections. Folklore Forum, 38:1 (2008).

Если судить нынешними мерками, то Янагита не был «настоящим» ученым – он не получил профессионального гуманитарного образования, не имел ученой степени, за исключением короткого периода не числился в постоянном штате университета. Он был самоучкой. Таких людей принято называть в Японии «исследователями из чистого поля». По-русски, наверное, уместно слово «дилетант». Методы и выводы Янагиты зачастую далеки от совершенства. Отчасти потому, что методология этнологии в его время еще не устоялась, но отчасти и потому, что для него не существовало авторитетов, он обладал неуживчивым характером, что понуждало искать непроторенные пути. Он не умел петь в хоре, ему требовалась сольная партия¹. Особенно доставалось от него историкам, так что для серьезных историков он – нечто вроде красной тряпки. Японские историки относятся к нему приблизительно так же, как наши относятся к Льву Гумилеву. С той оговоркой, что слава Янагиты несопоставима с известностью Гумилева. В СССР Гумилев был диссидентом, в нынешней России – признан создателем теории «пассионарности», о которой слышали далеко не все. Янагита же стал благодетельствованным властями национальным символом. Его широчайшее признание обусловлено тем, что он не только изучал реальность, но и творил ее. Среди российских гуманитариев такая слава досталась Д. С. Лихачеву, но вовсе не за его прекрасные ученые труды – в 90-е годы XX века его величали «совестью нации». Так же называли и физика А. Д. Сахарова – изобретателя водородной бомбы. Именно совесть особенно востребована в русской культуре. В Японии же больше всего востребована «японскость». Янагита считал себя японцем, но он не был «типичным» японцем: слишком бескомпромиссен, упрям, неуживчив. Тем не менее «типичные» японцы держат его за своего.

Вопрос о национальной идентичности японцев обсуждался в XX веке горячо. За исключением сравнительно короткого после-

военного времени, большинство авторов выступали в качестве идеологов и хвалили японцев. За их чувство прекрасного, умение делать заимствования и перерабатывать их, за патриотизм, жертвенность, чистоплотность, вежливость, скромность... Всего не перечесать. Янагита считал себя японцем, но не пел дифирамбов своему народу, а пытался разобраться в нем. В его обыкновениях, обычаях, истории, фольклоре, религии.

Популярность Янагиты в Японии обусловлена не только его незаурядной личностью, но и родом занятий. Этнология в послевоенной Японии представляла собой область знания, пользовавшуюся таким огромным вниманием, которого нет, пожалуй, ни в одной другой «цивилизованной» стране. Прежде всего потому, что у японцев больше желания докопаться до своих истоков. Иными словами, у Янагиты было много единомышленников. Пусть далеко не все они думали, как он, но все хотели понять, кто такие японцы, откуда они взялись, откуда пришли, зачем они есть. Именно так и следует понимать вынесенное в заголовок этой книги слово «команда». По большому счету в этой команде состоят все (почти все) японцы.

Фигура Янагиты уникальна во многих отношениях. В частности потому, что в Японии его имя знают все, но за границей он известен только профессионалам. Проблемы, которые волновали Янагиту, отличались японской спецификой и далеко не всегда близки нынешнему западному человеку, его сочинения полны незнакомых имен и топонимов, этимологий и диалектизм, ушедших из жизни и обихода реалий, его стиль мышления и изложения зачастую кажется чересчур эссеистичным и путаным. На английский язык переведены всего две его работы – «Рассказы из Тоно» и «Рассказы о предках». При этом следует учитывать, что «Рассказы из Тоно» – при всей их литературности – все-таки запись фольклора, а не сочинение самого Янагиты. На русский же язык не переведено ничего. Надеюсь, что эта книга хотя бы отчасти поможет восполнить существующий пробел. Я нахожу это очень важным. Как мы можем понять японцев, если не понимаем, почему они превратили Янагиту в культовую фигуру?

1. Мещеряков А. Н. Янагита Кунио: характер человека и характер его науки // История и культура Японии 11. *Orientalia et Classica*. Труды Института классического Востока и античности. Вып. I (LXXI). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». СПб.: Гиперион, 2018.

Разумеется, эта книга не претендует на окончательную полноту. Многие подробности жизни Янагиты не выяснены, многие материалы (дневник, письма) сделаны достоянием общества только частично. Сам Янагита написал очень много, причем в сферу его размышлений входили самые разные темы. Будучи «основателем», Янагита брался за все подряд. Поэтому я поневоле ограничился лишь самыми основными гранями его творческой активности: этногенез японцев и их верования, то есть синто. При этом меня волновали не только идеи Янагиты (а в них обнаруживается немало спорного), но и то, как они воспринимались обществом – сначала безразлично, потом (в конце жизни Янагиты и после его смерти) с нарастающим энтузиазмом.

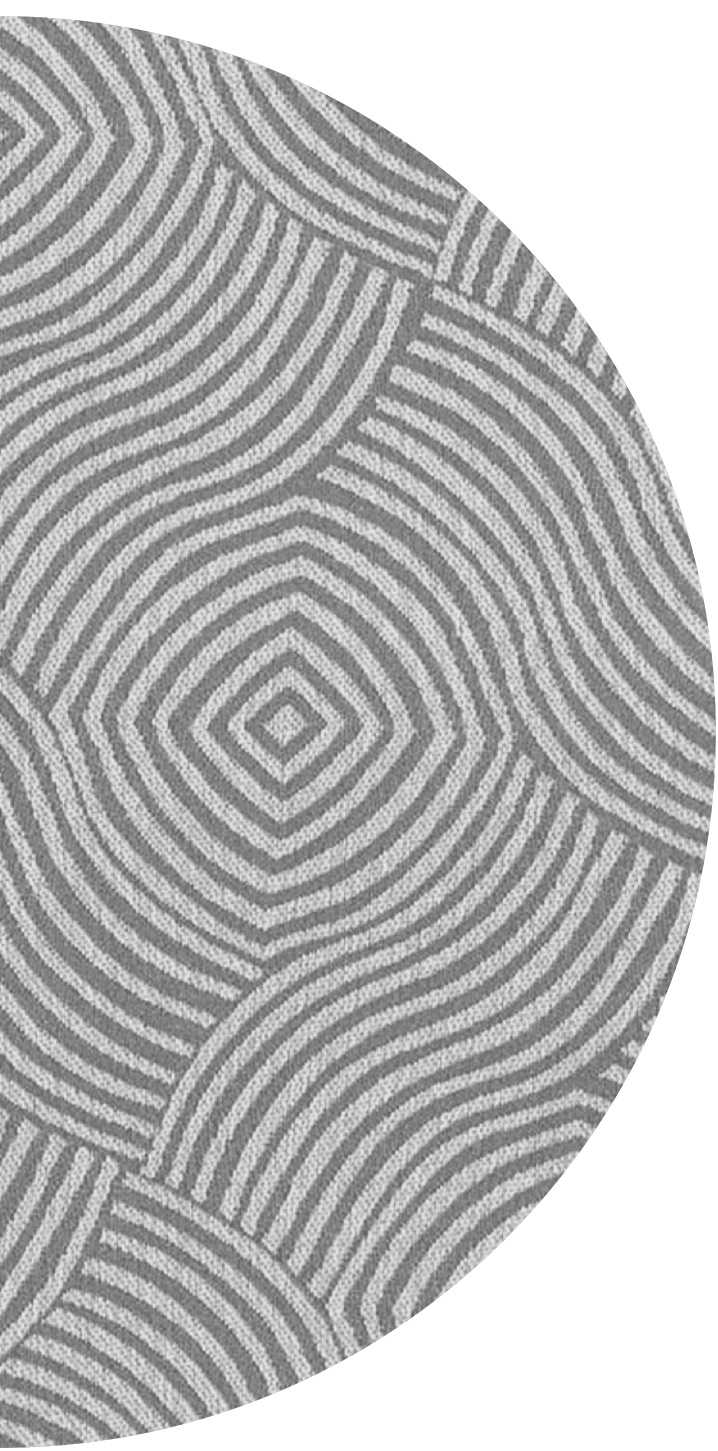
Я уже посвятил проблеме самоидентификации японцев несколько работ. Важной вехой я считаю монографию про восприятие природной среды обитания. Данное же исследование писалось как заключительное в трилогии, посвященной самоощущениям японцев. В книге «Стать японцем» рассказывается преимущественно о телесной культуре, в исследовании «Быть японцем» – об эмоциональной жизни людей, которые жили в период тоталитаризма. Книга «Остаться японцем» посвящена не только Янагите Кунио, но и тому, как удалось японцам остаться японцами уже после поражения во Второй мировой войне, когда прежняя картина мира оказалась разрушенной. В процессе послевоенной идентификации колоссальную роль сыграла этнология – как дискурс, помогший преодолеть комплексы неполноценности и создать такую интеллектуально-эмоциональную атмосферу, в которой стало легко (временами чересчур легко) говорить об особенностях всего японского: характера, быта, искусства, мышления. Таким образом, перед читателем лежит биография Янагиты, вплетенная в биографию его страны и народа.

В процессе работы над трилогией мне не удалось избежать некоторых повторов. Они обусловлены тем, что каждая книга трилогии является одновременно и самостоятельным произведением, с которым можно знакомиться и вне связи с общим замыслом.

Автор приносит свою искреннюю благодарность за советы и помощь в сборе материала Н. Ф. Клобуковой, Нумано Мицуёси, С. А. Родину, Сато Кэндзи, В. В. Щепкину.

Я благодарю также Институт восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург) и его директора И. Ф. Попову за возможность воспроизвести хранящуюся в фондах Института машинописную копию перевода лекции Янагиты «Мысли по поводу синто» («Синто сикэн»), выполненного Н. А. Невским.

Часть 1.

Путь из деревни в этнологи

Мацуока Кунио (фамилию Янагита он получил позднее) родился в 1875 году в деревне Цудзикава, расположенной в современной префектуре Хёго. Его отец Мисао (1832–1896) был низкоранговым самураем в приамском городе Химэдзи — резиденции князей из древнего рода Икэда. Во времена Мисао многие самураи уже не имели почти никакого отношения к военному делу. При сёгунах династии Токугава (1603–1867) Япония стала исключительно мирной страной, потомственные воины превращались в потомственных чиновников, врачей, учителей. Отец Мисао был врачом, его мать преподавала в школе, что было большой редкостью для женщины. Мисао унаследовал профессию врача, был сугубо гражданским и негрозным человеком: лечил и читал книжки, считался знатоком китайской словесности, преподавал в княжеской школе. Его жена Такэ работала в этой же школе, занимаясь там хозяйственными делами. Она не получила систематического образования (для женщин ее времени это было не исключением, а нормой), но обладала прекрасной памятью, училась на слух от своего мужа и его учеников, помнила наизусть китайское «Четверокнижие» и, хлопоча по хозяйству в другой комнате, исправляла ошибки детей, когда они неправильно озвучивали текст. Привечала соседок — обиженные своими мужьями, они частенько приходили к ней за утешением.

Революция Мэйдзи, начавшаяся в 1867 году, упразднила сословное деление общества, ликвидировала княжества и самураев, создала современную систему образования, рассчитанную на получение практических знаний¹. Китайские классики сделались не нужны, княжескую школу ликвидировали, замок Химэдзи (в настоящее время входит в список исторических объектов ЮНЕСКО) был продан за бесценок, а Мисао лишился своего рисового пайка, который платил ему князь. Паяк составлял 8 коку риса в год. Коку — это приблизительно полтора центнера риса. Это было не так много (считается, что для пропитания одного человека требуется 1 коку в год), но все-таки достаточно, чтобы сводить концы с концами. Теперь же Мисао должен был зарабатывать на рис самостоятельно, что было совсем не просто для этого отставшего от времени человека.

Мисао перебрался в деревню Цудзикава, где проживали его родственники, — половина ее обитателей носила фамилию Мацуока. Мисао на землю не сел, а дом ему приходилось арендовать. Мисао лечил людей, давал частные уроки, служил священником в местном синтоистском святилище. Он был знаком с творчеством Камо-но Мабути (1697–1769), Хираты Ацутанэ (1776–1843) и Мотоори Норинага (1730–1801) — ведущих представителей нативистского «национального учения» (кокутаку), опиравшегося на синто. Правительство Мэйдзи подняло этих мыслителей на щит, хотя при сёгунате они находились на периферии государственного сознания, предпочитавшего конфуцианскую и неоконфуцианскую классику, признанную наилучшим средством для управления.

Основатели «национального учения» и его рьяные последователи не жаловали буддизм, их нелюбовь передалась и Мисао. Мыслители «национального учения» относились ко всему китайскому с откровенным презрением, а буддизм считался религией прежде всего китайской. В первые годы Мэйдзи частенько случались погромы буддийских храмов. Но собственно китайскую классическую словесность Мисао не только знал, но и любил. Традиционная японская медицина является изводом китайской, и японские врачи были

1. Об основных событиях и реформах периода Мэйдзи см.: Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2013.

Явные и неявные последователи и обожатели Янагиты специализируются прежде всего на японских реалиях. Они печатаются на японском языке, основу их аудитории составляли и составляют японцы, а не то сообщество, которое гордо именует себя «международным» на том основании, что изъясняется по-английски. Это сообщество временами по-детски дует на японских этнологов за то, что те пишут на родном языке. Приведем особенно вызывающий пассаж.

«Мы полагаем, что японской фольклористике есть много что сказать, но проблема состоит в том, что она не умеет донести свою релевантность для более широкой аудитории. Это объясняется рядом взаимосвязанных факторов, самым явным из которых является языковой барьер. Будучи очень эффективными на своем родном языке, японские фольклористы показывают нежелание публиковать свои исследования на английском. Не говоря уже о других языках. Нравится это или не нравится, но английский стал языком международной науки. Мы признаем несправедливость такого положения и сожалеем, что так мало западных ученых владеют японским и иными азиатскими языками, но реалии современной жизни таковы, что эта ненормальная ситуация вряд ли будет исправлена в ближайшем будущем»¹.

1. Scott Schnell & Hiroyuki Hashimoto. Revitalizing Japanese Folklore. Yanagita Kunio and Japanese Folklore Studies in the 21st Century. Ed. by Ronald A. Morse. Kawaguchi, Fujiwara Shoten, 2012, p. 106.

Читая эти строки, поневоле вспоминаешь об идеалистическом проекте Янагиты и Нитобэ Инадзо сделать эсперанто рабочим языком Лиги Наций. В ламентациях «международных» ученых видно такое же идеалистическое желание превратить японскую этнологию в «объективную» науку. Янагита настаивал, что этнолог должен обладать любовью и сочувствием к объекту своего изучения, при таком подходе «объективность» становится эквивалентом «равнодушия». Японская этнология как общественно-культурный и идеологический феномен — нравится это нам (вам) или нет — не ставит (или ставит в ограниченной степени) перед собой задачу войти в международное сообщество, она является частью мощного дискурса, нацеленного на самописание и самоконструирование этноса, и капризное требование изъясняться по-английски равносильно упреку японскому писателю, что он демонстрирует непонимание азбучных рыночных истин и продолжает сочинять романы на родном языке. Поэтому не исключено, что адресованные японским этнологам упреки в их «японскости» могут восприниматься ими (или хотя бы их частью) как похвала. К японскому этнологу следует относиться прежде всего как к японцу. Имеющиеся исключения лишь подтверждают это правило. При этом мне не известно ни одного случая, когда бы японский этнолог потребовал, чтобы этнологи других стран сочиняли свои труды по-японски.

Автору этой книги достаточно понятны упреки в «зацикленности» многих японских этнологов исключительно на Японию, что создает временами иллюзию чрезмерной «особости» (уникальности) Японии и ее обитателей. Однако крайне сомнительно, что, как предполагают процитированные выше Шнелл & Хироюки, такая «закрытость» и даже «узколобость» принесет им, как угрожают эти авторы, что-то очень плохое (highly unfortunate) и приведет к «маргинализации». Вряд ли эти угрозы испугают японского этнолога, поскольку он не может быть маргинализован от своего народа, численность которого составляет больше 120 миллионов душ. Только в семнадцати североамериканских университетах можно получить специализацию по этнологии, защитить диссертацию — в одиннадцати. По неполным данным, представленным на сайте Японского этнологического общества, обуче-

ние по специальности «этнология» можно пройти в пятидесяти двух высших учебных заведениях, по всей стране разбросано множество краеведческо-этнологических музеев. Общество японской этнологии «Миндзокугаку гаккай» насчитывает около 2300 членов. Кроме него существуют десятки этнологически ориентированных институций и сотни дилетантских сообществ. Невольно напрашивается вопрос о том, кто в этой ситуации является маргиналом.

Ученый ум нацелен на выяснение «объективной истины» и развенчание социальных мифов. Однако все ученые рассуждения относительно иллюзорности «воображаемых сообществ» и «изобретенных традиций» меркнут перед верой в исконность существования наций с их «исконными» традициями. Знание не может победить веру, потому что разговаривает с ней на непонятном и неубедительном для нее языке. Вера (убежденность) является необходимым компонентом психологического комфорта «обычного» человека. Вера дает целостную картину мира, которую не предоставляет наука. Вера знает ответы на все вопросы, наука только обещает, что со временем она, может быть, ответит на некоторые из них. Насколько плоха (или хороша) такая вера? Вера в свою уникальность и избранность подвигла Японию в первой половине XX века на экспансионизм и агрессию. Часть нынешних критиков упрекает Янагиту в том, что его идеи относительно мононациональности японцев являлись частью этой агрессивной системы. Но при этом почему-то забывается, что идея о мононациональности Японии была в довоенное время диссидентской — официальная идеология позиционировала Японию как многонациональную империю. Кроме того, необходимо помнить, что до войны и во время нее влияние идей Янагиты отнюдь нельзя признать критически значимой. Наибольшее признание Янагита приобрел *после* войны и даже после своей кончины, а послевоенная Япония с ее почти официальной идеей мононациональности представляет собой несомненный образец для подражания в части отсутствия агрессивных настроений. Это касается как отношений между японцами внутри страны, так и международной политики. Могут ли другие страны с населением более 100 миллионов человек похвастаться хоть чем-то подобным?

Уровень преступности в Японии ниже американского, русского или бразильского в десятки раз. По данным ООН за 2017 год, умышленные убийства на 100 тысяч человек составляли: в Японии — 0,28, в США — 5,35, в России — 10,82, в Бразилии — 29,53. После 1945 года Япония не начала ни одной войны и непосредственно не участвовала ни в одной из них. В странах, которые такие войны вели, убийство противника (по неизвестным мне причинам) и гибель своих солдат от руки противника не подпадают под рубрику «умышленных убийств», хотя война есть не что иное, как организованное государством массовое умышленное убийство с числом жертв, которое намного превосходит «подвиги» убийц индивидуальных. Если бы статистики учитывали военные жертвы, то разница в статистике насильственных смертей между Японией и другими крупными странами выглядела бы еще «убийственнее». А что можно сказать о террористических актах в Японии? Самый ужасный случился в 1995 году, когда члены религиозной организации «Аум синрикё» распылили зарин в токийской подземке. Погибло 13 человек. По меркам нынешнего терроризма — ничтожно мало, но эта трагедия произвела на японцев ужасающее впечатление, потому что в Японии подобные происшествия — величайшая редкость.

В результате мощного послевоенного дискурса, в истоках которого находился Янагита, был сконструирован новый вариант «японской мононации», которая обладала множеством уникальных черт. «Конструкторы» допустили при этом множество ошибок, переделок и неточностей, но в этом варианте по большей части напроць отсутствовала агрессивная составляющая. Цель этого дискурса состояла в объединении всех японцев для осуществления мирных целей и для достижения психологического комфорта, которым обладал тот японец, который видел себя окруженным высоким «духовным» забором. И это при том, что видимая (материальная) часть японской жизни глобализировалась страшно быстро. Ученому человеку интересна истина, обывателю интересен душевный покой и предсказуемость бытия.

Должны ли мы относиться с осуждением к послевоенным японцам, которые придумали сами себя и отстроили достойную уваже-

ния страну, продолжительность жизни в которой является самой большой в мире? Должны ли мы восхищаться учеными, которые ищут истину, но при этом не задумываются о том, кому она нужна?

В настоящее время японские этнологи продолжают свою работу. Не подлежит сомнению, что они знают больше, чем ученые прошлых поколений. Труды Янагиты изучают, комментируют, переиздают. Однако тот восторг, который испытывала широкая публика по отношению к Янагите и этнологии, пошел на спад. Всякий овощ спеет в свое время. После употребления человеком он становится удобрением — для будущих поколений, которые рассудят не хуже и не лучше, но по-своему.

библиография

13–14 «проникали в пути демонов и духов», но вот такое-то мнение уж действительно в «духе позднейших веков», ибо в старину таких примеров было сколько угодно. В правительственных документах неоднократно встречаются донесения вроде того, что «моему ребенку всего семь лет, но он говорил то-то и то-то; этого совершенно нельзя признать за слова ребенка, а потому, думая, что это пророчество бога, я и имею честь доложить». Данный пример ясно показывает, что даже семилетние дети могут «проникать в пути демонов и духов».

В этом месте машинопись перевода Н. А. Невского обрывается. Неизвестно, был ли закончен перевод. Далее в своей публикации Янагита рассматривает институт жриц (мико) в его региональных вариациях, приходя к следующему заключению: «До настоящего времени считалось, что положение мико является в ритуале чисто служебным и украшательским: они танцуют с колокольцами, предстая перед божеством в белых одеждах и красном фартуке. Однако их первоначальная функция была куда более серьезной, и они занимали центральное место в культе: божество вселялось в них и изрекало общине свою волю; мико принимали подношения, которые адресовались божеству, будучи заместителями божества, они были медиумами, которые отвечали на вопросы общинников»¹.

Подводя общий итог своего выступления, Янагита еще раз подчеркнул крайнюю ограниченность подходов школы Хирата Ацутанэ, которая не принимает в расчет народные верования, сделавшись при этом доминирующей. «Наука должна иметь в виду прежде всего народ. Следует выступить против таких научных подходов, в которых отсутствует сочувствие к жизни народа. В особенности нельзя согласиться с такой позицией, когда ученый забирается повыше и игнорирует действительность, которая находится у него перед глазами. Нельзя согласиться с таким подходом, при котором синто представляется продуктом умствований и тех свитков [„Кодзики“ и „Нихонги“], в которых рассказывается о веке богов. Нельзя согласиться с подходом, когда люди древности предстают перед вами философами»².

1. Тэйхон Янагита Кунио сю, т. 10, с. 450.

2. Тэйхон Янагита Кунио сю, т. 10, с. 458.

Издания на японском языке:

1. Акасака Норио. Тоно моногатари ко. Тикума гакугэй бумпо. Токио, 1998.
2. Гэндай нихон бунгаку дзэнсю. Токио, «Кайдзосё», 1931, т. 58; Токио, «Тикума сёбо», 1955, т. 12.
3. Доин, тэйко, ёкусан. Токио, «Иванами», 2006.
4. Ёсино Сакудзо. Бунка насёнаридзуму-но сякайгаку. — Гэндай нихон-но айдэнтити-но юкуэ. Нагоя дайгаку сюппанкай, 1997.
5. Исии Масами. Янагита Кунио то гурокару кэнкю. — «Гэндай сисо», 2012, № 10.
6. Ито Микихару. Янагита Кунио то Умэсао Тадао. Дзимаэ-но гакумон-о мотомэтэ. Токио, «Иванами», 2011.
7. Иэнага Сабуро. Янагита сигаку рон. — Янагита Кунио кэнкю. Токио, «Тикума сёбо», 1973.
8. Кавада Дзюндзо. Сайсёки-но Янагита-о татаэру. — «Гэндай сисо», 2012, № 10.
9. Кавада Минору. Янагита Кунио. Соно сэйтан то сисо. Токио, «Ёсикава кобункан», 1997.
10. Каваи Хаяо. Нихондзин то айдэнтити. Синри рёхока-но мэ. Токио, «Согэнся», 1999.
11. Канаи Кэйко. Дзэнсэн то дзюго-но дзиэнда. Хэнсэй-о мэгуттэ. Доин, тэйко, ёкусан. Токио, «Иванами», 2006.
12. Курайна Ёсэфу. Нихон миндзоку бунка-но кэйсэй-ни окэру адзиа сёминдзоку бунка-то но какавариаи. 20 сэйки-ни окэру нихон миндзокугаку кокогаку-но гакусэцу-о фурикаэттэ. — Нихон-но айдэнтитэ то адзиа. Токио, «Хосэй дайгаку», 2015.
13. Минами Хироси. Нихондзин-но синри. Токио, «Иванами», 2013.
14. Маэда Хидэки. Миндзоку то мингэй. Токио, «Коданся», 2013.

15. Мори Киёто. Дайнихон сётёку цукай. Токио, 1941.
16. Мураи Осаму. Нанто идзороги-но хахассэй. Янагита Кунио то сёкуминти-сюги. Токио, «Иванами», 2004.
17. Нихондзин. Под редакцией Янагиты Кунио. Токио, «Майнити синбунся», 1976.
18. Огума Эйдзи. Минсю то айкоку. Сэнго нихон-но насионаридзуму то кокёсэй. Токио, «Сингёся», 2002.
19. Огума Эйдзи. Тангъицу миндзоку синва-но кигэн. Токио, «Сингёся», 2019.
20. Окамура Тамио. Янагита Кунио-но суйсу. Токио, «Ринвася», 2013.
21. Окамото Таро. Окинава бунка рон. Васуруарэта Нихон. Токио, «Тюо корон», 2015.
22. Окамото Тосико. Хитоцу-но кои-но сёгэнся. — Окамото Таро. Окинава бунка рон. Васуруарэта нихон. Токио, «Тюо корон», 2015.
23. Ото Токихико. Нихон миндзокутаку сива. Токио, Сангъити сёбо, 1990.
24. Сато Кэндзи. Янагита Кунио-но рэкисиякайгаку. Токио, «Сэрика сёбо», 2015.
25. Сая Макито. Миндзокутаку, Тайван, кокусай рэммэй. Янагита Кунио то Нитобэ Инадзо. Токио, «Коданся», 2015.
26. [Мещеряков А. Н.] Сэнго нихон: Янагита Куниора-но миндзокутаку-ни ёру рэкисигаку-но хакай. — Interpretations of Japanese Culture. Views from Russia and Japan. Ed. by James C. Baxter. International Research Center for Japanese Studies. Kyoto, 2009.
27. Танака Кадзухико. Эсупэрранто. Итан-но гэнго. Токио, «Иванами», 2007.
28. Таяма Катай. Токё-но сандзюнэн. Токио, «Иванами», 1981.
29. Тэйхон Янагита Кунио сю. Токио, «Тикума сёбо», 1962, т. 10.
30. Умэсао Тадао тёсакусю. Токио, «Тюо коронся», 1999, т. 15.
31. Фукудзава Юкити дзэнсю. Токио, «Иванами», 1969–1971, т. 15; Токио, «Тикума сёбо», 1990, т. 26.
32. Фукута Адзиро. Гэндай нихон-но миндзокутаку. Посуто Янагита-но годзюнэн. Токио, «Ёсикава кобункан», 2014.
33. Хага Яити. Кокуминсэй дзюрон. Токио, «Фудзанбо», 1907.
34. Хара Такэси. Сёва тэнно. Токио, «Иванами», 2008.
35. Хасикава Бундзо. Янагита Кунио. Соно нингэн то сисо. — Янагита Кунио. Миндзокутаку-но сосися. Токио, «Кавадэ сёбо», 2014.
36. Хигути Киёюки. Умэбоси то нихонто. Токио, «Сёдэнся», 1985, т. 1–2.
37. Хори Мити. Тити то-но сампо. Токио, «Дзиммон сёин», 1980.
38. Цуруми Таро. Миндзокутаку-но ацуки хиби. Янагита Кунио то соно коданся. Токио, «Иванами», 2004.
39. Цуруми Таро. Янагита Кунио ню:мон (Знакомство с Янагитой Кунио). Токио, «Кадокава», 2008.
40. Ямада Ясухиро. Цукуруарэта дзёмон дзидай. Нихон бунка-но гэндзо-о сагуру. Токио, «Синтёся», 2015.
41. Янагита Кунио дзитэн. Токио, «Бэнсэй сюппан», 1999.

42. Янагита Кунио дзэнсю. Токио, «Тикума сёбо», 1990, т. 3, т. 20, т. 26, т. 27, т. 31, а также 1-й и 2-й доп. тт.; Токио, «Тикума сёбо», 2004, т. 15.
43. Янагита Кунио. Кайдзё-но мити. Токио, «Иванами», 2011.
44. Янагита Кунио кайсо. Токио, «Тикума сёбо», 1972.
45. Янагита Кунио. Кокё ситидзю нэн. Токио, «Коданся», 2016.
46. Янагита Кунио. Миндзокутаку-но сосися. Токио, «Кавадэ сёбо», 2014.
47. Янагита Кунио. Миндзокутаку-но ханаси. — Янагита Кунио. Миндзокутаку-но сосися. Токио, «Кавадэ сёбо», 2014.
48. Янагита Кунио. Сумияки никки. Токио, «Нихон тосё сэнга», 2005.
49. Янагита Кунио сясинсю. Под редакцией Янагита Тамэмаса и Ото Токихико. Токио, «Ивадзаки бидзюцуся», 1981.
50. Янагита Кунио тайдансю. Токио, «Тикума сёбо», 1992.
51. Янагита Кунио. Тонно моногатари. Токио, «Кадокава», 2016.
52. Янагита Тамэмаса. Тити Янагита Кунио-о омоу. Токио, «Тикума сёбо», 1996.

Издания на английском языке:

1. Brandt, Kim. Kingdom of Beauty. Mingei and Politics of Folk Art in Imperial Japan. Duke University Press. Durham and London, 2007.
2. Bronson, Adam. Japanese Folklore Studies and History: Pre-War and Post-War Inflections. «Folklore Forum 38:1 (2008)».
3. Burkman, Thomas W. Yanagita Kunio, Nitobe Inazo and the League of Nations. — Yanagita Kunio and Japanese Folklore Studies in the 21st Century. Ed. by Ronald A. Morse. Kawaguchi, 2012.
4. Chie Nakane. Japanese Society. University of California Press, 1998.
5. Debate between Yanagita Kunio and Yanagi Soetsu at the Japan Folk Crafts Museum Cipango. French Journal of Japanese Studies. 2012, № 1.
6. Foster, Michael D. Yanagita Kunio and Japanese Folklore Studies in the 21st Century. Ed. by Ronald A. Morse. Kawaguchi, Fujiwara Shoten, 2012.
7. Henry, David A. Momotaro, or the Peach Boy: Japan's Best-Loved Folktale as National Allegory. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Asian Languages and Cultures) in The University of Michigan, 2009.
8. Lummis, Douglas. Ruth Benedict's Obituary for Japanese Culture. — The Asia-Pacific Journal. 2007, Volume 5, Issue 7.
9. Melek Ortabasi. Reading Tono monogatari (Tales of Tono) as Literary Realism. — Yanagita Kunio and Japanese Folklore Studies in the 21st Century. Ed. by Ronald A. Morse. Kawaguchi, 2012.
10. Morse, Ronald A. Yanagita Kunio and the Folklore Movement. The Search for Japan's National Character and Distinctiveness. New York & London, «Garland Publishing», 1990.

11. Scott Schnell & Hiroyuki Hashimoto. Revitalizing Japanese Folklore. Yanagita Kunio and Japanese Folklore Studies in the 21st Century. Ed. by Ronald A. Morse. Kawaguchi, Fujiwara Shoten, 2012.
12. Suzuki Sadami. The concept of «Literature» in Japan. Kyoto, International Research Center for Japanese Studies, 2006.

Издания на русском языке:

1. Акутагава Рюноскэ. Момотаро / Пер. В. С. Гривнина // Сочинения в четырех томах. Рига: Полярис, 1998. Т. 3. С. 104–110.
2. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. М.: «Языки славянских культур», 2008.
3. Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979.
5. Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М.: Наука, 1978.
6. Ёсида Канзёси. Записки на досуге / Пер. А. Н. Мещерякова. М.: Наталис, 2009.
7. Исида Эйитиро. Мать Момотаро / Пер. А. М. Кабанова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998.
8. Исэ моногатари / Пер. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1979.
9. Кага Отохико. Столица в огне. СПб.: Гиперион, 2020. Т. 2. С. 547.
10. Кайбара Экикэн. Поучение в радости. Нисикава Дзёкэн. Мешок премудростей горожанину в помощь / Пер. А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 2017.
11. Кендзо Танге. Архитектура Японии. Традиции и современность. М.: Прогресс, 1976.
12. Мазурик В. П. Чайная чашка и ее функции в японском чайном действе (тяноу) // Вещь в японской культуре. М.: Восточная литература, 2003.
13. Мещеряков А. Н. Автобиография Фукудзавы Юкити как репутационный ресурс // «Отечественные записки», 2014. № 1.
14. Мещеряков А. Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М.: Наталис, 2009.
15. Мещеряков А. Н. Восток и солнце. Благодатность японской земли в культурно-географическом дискурсе // «Вопросы философии». 2013. № 7. 16.
16. Мещеряков А. Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2013.
17. Мещеряков А. Н. Между водой соленой и пресной: осмысление моря в японской культуре // «Вестник РГГУ». 2016. № 3 (12).
18. Мещеряков А. Н. Поиски национальной идентичности: Тэрада Торахико и его понимание японской природы // Institituonis Conditori: Илье Сергеевичу Смирнову. Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Вып. L. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013.
19. Мещеряков А. Н. Послевоенная Япония: этнологическое уничтожение истории // «История и современность», 2008. № 1.
20. Мещеряков А. Н. Телесный комплекс неполноценности японцев и его преодоление (20–30-е годы XX века) // «Вопросы философии». 2009. № 1.
21. Мещеряков А. Н. Статья японцем. Топография тела и его приключения. М.: Наталис, 2014.
22. Мещеряков А. Н. Страна для внутренней эмиграции: образ Японии в позднесоветской картине мира // «Отечественные записки». 2014. № 3.
23. Мещеряков А. Н. Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения. М.: Дело, 2014.
24. Мещеряков А. Н. Янагита Кунио: характер человека и характер его науки // История и культура Японии 11. Orientalia et Classica. Труды Института классического Востока и античности. Вып. I (LXXI). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». СПб.: Гиперион, 2018.
25. Молодяков В. Э. Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: «Маньчжурский инцидент» и «дуэль юристов» // «Япония». Ежегодник. М., 2019.
26. Нихон сёки. Анналы Японии / Пер. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1–2.
27. Овчинников В. С. Ветка сакуры. М.: Молодая гвардия, 1975.
28. Окагами — Великое зеркало / Пер. со старояп., исслед. и коммент. Е. М. Дьяконовой. СПб.: Гиперион, 2000.
29. Пронников В. А., Ладанов М. Д. Японцы. М.: Наука, 1983.
30. Синто. Путь богов / Пер. В. П. Мазурика. СПб.: Гиперион, 2002. Т. 1–2.
31. Такэо Дои. Анатомия зависимости. Фундаментальный анализ японского характера / Пер. И. Н. Сиренко. М.: Серебряные нити, 2016.
32. Трубникова Н. Н., Бабкова М. В. «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности // «Япония». Ежегодник. М., 2018.
33. Фермоилен Х. Ф. Происхождение и институализация понятия Volkskunde (1771–1843) // «Этнографическое обозрение». 1994. № 4.
34. Хирн Л. Призраки и чудеса в старинных японских сказаниях. Квайданы / Пер. О. А. Павловской. М.: Центрполиграф, 2019; он же. Япония эпохи Мэйдзи / Пер. В. Чурсина. М.: Ломоносовъ, 2019.
35. Цветов В. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. М.: Издательство политической литературы, 1986. С. 300.
36. Ясучиро Накасонэ. Государственная стратегия Японии в XXI веке. М.: «Nota Bene», 2001.

Summary

The book is a biography of the founder of Japanese ethnology Yanagita Kunio (1875–1962). He lived a long life and in his childhood found rural Japan almost untouched by Western influence. He died when the overwhelming majority of the Japanese were living in towns. When he was born, the Japanese nation did not yet exist. When he died, the nation did exist for many years. Yanagita made a huge contribution to its shape. The book is devoted not only to Yanagita Kunio, but also to how the Japanese managed to remain Japanese after the defeat in World War II, when the old world view was destroyed. In the process of post-war identification, ethnology played an immense role as a discourse that helped to overcome inferiority complexes and create an intellectual and emotional atmosphere in which it became possible to talk about the features of everything Japanese: character, life, art, thinking. The book is a biography of Yanagita, woven into the biography of his country and his people.

Научно-популярное издание 16+

Мещеряков Александр Николаевич

ОСТАТЬСЯ ЯПОНЦЕМ: ЯНАГИТА КУНИО И ЕГО КОМАНДА.
ЭТНОЛОГИЯ КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯПОНСКОГО НАРОДА

Дизайн: С. Н. Андриевич

Верстка: Н. С. Киунова

Обработка иллюстраций: В. М. Драновский, Н. С. Киунова

Корректор Т. Г. Шаманова

ООО «Лингвистика»
Николаямская ул., д. 4, Москва,
Россия, 109240
тел. (905) 717-05-20

Технологическое сопровождение
и допечатная подготовка
ООО «Бослен»
<http://www.boslen.ru>;
e-mail: info@boslen.ru

Подписано в печать 02.10.2020
Формат 60х90/16
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готовых
файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
ул. Гончарова, д. 14, г. Ульяновск,
Россия, 432980